

Метро-Морфозы

Сергей Шкробка

Рекомендованна
к прочтению

Сказкотерапия

Сергей Шкребка
Метро-Морфозы

«Автор»

2025

Шкробка С. А.

Метро-Морфозы / С. А. Шкробка — «Автор»,
2025 — (Сказкотерапия)

Представь себе, что ты после сложного трудового дня уснул в метро. В буквальном смысле, теперь ты — бета-ридер Валерчик. У тебя 16 нечитанных рукописей, дедлайн через неделю, а кофе уже заменяет кровь. И однажды просыпаешься в эпицентре битвы Терминаторов с Ланнистерами, верхом на Хрустальном Драконе, с Кольцом Всевластия в руке. Рядом — рыжая сценаристка с дипломом-катастрофой. Вокруг — Понтий Пилат, кот Бегемот с энергетиком, и серверный столб, который мигает «404». Эта книга — карта твоего спасения. Листай быстрее, пока тебя не заставили переписать любовь через NFT. И помни: если в твоём сне появится Хоттабыч — значит, ты уже не выступишь. Никогда

Содержание

Глава 1. Последний рабочий день.	5
Глава 2. Сквозь сон и три кольца	11
Глава	17
Глава 3. Слияние снов.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Шкробка

Метро-Морфозы

Глава 1. Последний рабочий день.

Конец года для сотрудников издательства «Крэш&Бук» – это жуть, или если так можно выразиться «Крэш&Трэш». Весь декабрь был затяжным, кошмаром, подведения итогов за все двенадцать месяцев разом, липким и не отпускающим. В этот момент, кажется, будто все незавершённые дела за год ждали, набирались сил и теперь навалились одним скопом. Воздух в офисе состоял из остатков кислорода, вечной паники, а так же легкого аромата сотрудников, не видевших душа по несколько дней. В помещении явственно присутствовали стойкие нотки распадающейся нервной системы практически всех сотрудников. Каждый новый день был похож на предыдущий, только градус безумия постепенно повышался. Все вокруг начинают разговаривать исключительно на каком-то особом языке, состоящем из профессиональных терминов, матерных выражений и междометий.

И конечно же всё это происходит под аккомпанемент сдачи всех накопившихся проектов, тикающих дедлайнов, которые, стали физически ощутимыми. Эти монстры спрессованного времени давили на виски и не давали уснуть. В общем, если бы существовал конкурс на самое адское место работы в декабре – «Крэш&Бук» точно бы занял призовое место. С огромным отрывом от остальных. Хотя...

Буквально все работники издательства думали, что дедлайн идёт им навстречу неспешным шагом, а на самом он деле нёсся на них, как локомотив в тоннеле, издавая устрашающие звуки и заливая всё вокруг ледяным потом.

Бета-ридер издательства Валерчик, (по паспорту, Валерий Петрович Семенов 23 лет от роду), был молод и амбициозен. Валерчик устроился в издательство сразу после окончания филфака. Ему нравилось чувствовать себя вершителем судеб новых авторов, но сейчас же он был уставшим, живым воплощением человека измучанного от предновогоднего кошмара гонки со временем. Его крепкий, но ещё не приспособленный к таким сложным условиям организм начинал давать сбой.

Его дедлайн заключался в составлении лонг-листа для сборника «Современное фэнтези: Голоса новых миров». До завершения оставалось всего семь дней, ничтожный и смехотворный срок, за который обычно не удаётся даже как следует ознакомиться с тремя четырьмя работами авторов, не то что перелопатить тонны литературной руды. На его электронной почте, словно виртуальные булжники, давящие на крышку ноутбука, лежало ещё шестнадцать непрочитанных рукописей. Шестнадцать вселенных, каждая со своими законами и богами. Шестнадцать систем магии, где сила добывалась из слез фениксов, звёздной пыли или банального упорного секса с бессмертными. Шестнадцать главных героев, чьё трагическое прошлое должно было вызывать слезы, героическое настоящее вызывает восхищение, и конечно блестящее будущее главных персонажей обязательно должно пробудить у всех читателей состояние зависти. Шестнадцать авторов, как шестнадцать пар глаз, смотрели на него с экрана монитора в немом вопросе: «Ну правда, я гений современной литературы?».

Образ жизни Валерчика в последние три недели года, подстроился под аврал, он объявил перформанс о вреде здорового образа жизни. Утро начиналось с двойной, а то и трой-

ной порции эспрессо, и обычно не одной, они вливались в него, как гоночное топливо в баки гоночного болида перед ответственным заездом. Два круассана, безжалостно размоченные в этой коричневой горечи, исполняли роль ритуальной жертвы божеству продуктивности. Обед и вовсе был актом прямого насилия над организмом. Химический симбиоз энергетика со вкусом «таинственных тропиков», от которого во рту оставалось ощущение, будто ты облизал пальму, заедался пачкой чипсов со вкусом краба, который познал истину мироздания и явно ею подавился, после чего и был переработан и помещён для вкуса в эту целлофановую упаковку. Вечером же, чтобы не рухнуть лицом в клавиатуру раньше положенного срока, в ход шла лошадиная доза крепчайшего чая. Отвар был настолько ядрёным, что как только он достигал пределы печени, то сердце начинало отбивать морзянку, чётко и неумолимо:

«Т-Ы-Н-Е-С-П-И-Ш-Ь-Н-О-Т-Ы-У-М-Р-Е-Ш-Ь».

Шёл третий день без сна в его классическом, а если точнее, то в человеческом понимании этого действия. Сознание балансировало на грани развала. Были моменты яркой, почти полной ясности, в эти моменты он мог различать не только каждую букву, но и шрифты, кернинг и крик души автора, вложенный в каждую запятую. А потом накатывали отключки. Они были короткие, буквально на несколько секунд. Но с каждым днём их становилось всё больше. Во время одной из таких Валерчику показалось, что он видит ауру коллеги Марии из отдела маркетинга. От неё исходило тревожное сияние цвета перегоревшей на пока ещё мигающей рекламной вывески. Аура выглядела впечатляюще: туманная дымка с вкраплениями ядовито-розового цвета, который ассоциировался с капучино наполовину разбавленного энергетиком имеющим вкус лесных ягод. Он даже прищурился, пытаясь разглядеть, нет ли там ещё и зелёных полосок зависти к работникам бухгалтерии, которые со спокойной совестью ушли домой, но его резко вернула в реальность очередная порция кофе, которая, после преодоления сопротивления в виде духа краба-философа, добралась до управления организмом и ударила резким импульсом в виски.

Сегодня Валерчик поставил рекорд по количеству прочитанных опусов и поставил виртуальную галочку для фиксирования этого самого рекорда в своём чек-листе, осилив очередной литературный опус под многообещающим названием «Плач Хрустального Дракона над Руинами Асгарда». К этому моменту сюжеты в его голове напоминали не аккуратные полки библиотеки, а свалку, куда сбросили все прочитанные за последний месяц миры. Они сталкивались, взрывались и скрещивались, порождая причудливых химер. Вот эльфы в латах из мифрила заключали пакт о ненападении с космическими рейнджерами в блестящих скафандрах. А вот вампир-паладин, с крестом на шее и святой водой во фляге, отчаянно рубился на световых мечах с орком-киборгом, у которого из спины торчали гидравлические провода вместо сухожилий. И повсюду, как грибы после дождя, вырастали юные жрицы волшебных наук, которые открывали в себе невероятные магические силы. Для этого юные, а иногда и не очень девы, не использовали годы медитаций или изучение древних фолиантов, а получали эти умения простым, почти технологичным способом, через экстремальное занятие сексом со всевозможными вампирами и представителями других цивилизаций, амфибиями, драконами и чёрт знает кем ещё. У Валерчика даже возникла крамольная мысль: а не выпустить ли ему единую методичку «Инструкция о приобретении магии за неделю, или Ключ к магической матке» — бестселлер был бы обеспечен.

Он с трудом оторвал взгляд от этой монитора, переходя к перевариванию этой внутренней каши. Делать это было чертовски сложно, ибо чувствовал как глаза слипаются и пространство вокруг предательски плывёт. Вершитель судьбы всех участников конкурса сфокусировался на экране с усилием ныряльщика, пытающегося разглядеть дно в мутной воде. В

отложенных оставался последний приготовленный к прочтению на сегодня роман – «Первый Зов Попаданцев». Аннотация, написанная возвышенным слогом, сулила ему неторопливую эпопею о древней расе мудрых крылатых амфибий, которые, презрев тысячелетнюю спячку во льдах Антарктиды, пробуждались от звонкого щелчка по носу, дабы преподать зарвавшемуся человечеству суровый урок смирения, экологии и, возможно, правильной техники плавания. Валерчик мысленно перевёл это на нормальный язык: «Древние твари просыпаются, чтобы всех отыметь». Эх, знали бы эти твари, что для редактора их великое пробуждение. А это всего лишь первый из шестнадцати оставшихся файлов, которые оставались в непрочитанной почте замученного Валеры.

Валерчик, с чувством обречённого на очередную бессонную ночь человека, скачал файл на свой выдавший лучшие времена планшет, с ощущением, будто загружает целую вселенную. Сунул устройство в рюкзак, где оно легло на ворох сиротских сигаретных бычков и смятых чеков, натянул своё потрёпанное пальто, которое в полубреду начинало отдалённо напоминать плащ заклинателя бурь из романа №5, и поплёлся к выходу, мысленно завидуя офисному кондиционеру. Аппарат, один-единственный во всем помещении, гудел ровно и исправно, не требуя ни сна, ни кофе, ни одобрения кадровиков, идеальный сотрудник.

Путь из офиса до заветных лифтов превращался в тактическую операцию, квест на выживание, достойный любой из прочитанных им книг. Уровень первый: «Уклонись от босса». Он, как ниндзя в сумерках, пригнулся у торгового автомата с шоколадками, сделав вид, что с величайшим интересом изучает ассортимент батончиков, пока грозная тень начальника с папкой в руках не проплыла мимо, унося с собой запах дорогого парфюма и всеобщего страха. Уровень второй: «Проберись сквозь строй орков-менеджеров». Толпа призраков в белых рубашках, мирно потягивающих кофе и обсуждающих KPI, расступилась перед его пошатывающейся, но целеустремлённой фигурой. Они мычали что-то о синергии и прорывах в экономике, но их голоса сливались в единый белый шум, похожий на заклинание оцепенения. И финальный босс: «Обрети артефакт». Лихорадочный поиск по всем двадцати карманам пальто, рубахи, кофты и джинсов увенчался успехом на свет божий, сверкнув логотипом московского метрополитена, была извлечена заветная проездная карта «Тройка», настоящий ключ к спасению.

Выйдя на улицу, Валерчика моментально ударило в лицо декабрьским холодом, который в Москве декабрьскими вечерами пахнет одновременно выхлопными газами, огромным количеством ёлочных базаров и абхазскими мандаринами. Он автоматически закутался в своё потрёпанное пальто. Похолодало конкретно, возможно благодаря прочитанной только что аннотации, из которой следовало, что древние амфибии из «Попаданцев» уже начали свой урок смирения для человечества, и первым делом решили отморозить ему уши.

Путь от здания издательства до станции метро представлял собой отдельный квест – «Улицы ночного города». Уровень сложности: средний, но с элементами выживания. Сначала ослепляющие витрины с неестественно счастливыми манекенами в новогодних свитерах. Один из них смотрел на Валерчика с блаженной улыбкой, очень захотелось швырнуть в стекло остаток своего круассана заваливавшегося в кармане пальто. «Вот кому бы шестнадцать рукописей на почту, посмотрел бы я на твою сияющую морду», – мрачно подумал он.

Потом безумный танец со светофорами. Загорался зелёный, но почему то именно на столько, чтобы успеть осознать свою медлительность и остаться на обочине с чувством глубокой личной несостоятельности. Таксисты, лихачи на раздолбанных ЛАДАХ и какие-то ушлые курьеры на электросамокатах неслись в крошечной тьме, словно участники «Безумного Макса», только вместо пустыни был заснеженный Новый Арбат.

Валера прошмыгнул мимо парочки уличных музыкантов, игравших на расстроенной гитаре и дудочке что-то уж больно тоскливое, захотелось немедленно вернуться в офис и дочитать про крылатых амфибий. Хотя нет, не захотелось.

И вот он – спасительный вестибюль метро Смоленская. Эта архитектурная помпезность, эти мраморные своды, которые должны были внушать чувство величия, а на деле напоминали гигантские ворота в царство Аида для особо уставших. Спуск по эскалатору это всегда маленькое путешествие во времени и пространстве. Верхний мир с его морозом, суетой и иллюзией выбора оставался наверху, а его медленно, с мерным скрежетом, засасывало вниз, в подземку.

Воздух с каждым метром менялся. Исчезал запах мороза и мандаринов, его сменял знакомый до слёз коктейль: запах раскалённого металла, электрической пыли, дешёвого парфюма и самой подземки, её древнего дыхания. Он прислонился к поручню, чувствуя, как вибрация эскалатора проходит через всё его тело, словно пытаясь встряхнуть и привести в чувство. Но его сознание уже плыло, цепляясь за остатки реальности.

На платформе былолюдно, несмотря на поздний час. Толпа это всегда отдельный организм. Вот студенты, громко спорят о чём-то, их голоса – резкие и звонкие. Вот уставшая женщина с огромными сумками, в глазах – пустота и надежда поскорее добраться до дома. А вот пара – прижались друг к другу, смеются над шуткой, которой больше никто не слышит, их смех кажется таким неестественно громким в этом подземном царстве.

Валерчик стоял у края платформы, глядя в туннель, в ту самую чёрную дыру, откуда должен был появиться его поезд-спаситель. В этот момент он почувствовал себя частью этого гигантского механизма, этого подземного мира со своими законами, своими богами в форме машинистов и своими демонами в образе контролёров в будке эскалатора. Он был всего лишь шестерёнкой, уставшей шестерёнкой, которую нужно было доставить на три станции вперёд, потом пересадка на БКЛ и ещё четыре станции.

Когда вдалеке засветились огни поезда, а по платформе пронёсся знакомый ветер, пахнущий электричеством и обещанием скорого отдыха, Валерчик понял: ещё немного. Совсем чуть-чуть. Сейчас он сядет в вагон, и... И что? А потом виртуальные булыжники снова навалятся? Но сейчас он об этом думать не хотел. Сейчас была только эта платформа, этот нарастающий гул и надежда найти свободное место.

Три станции до БКЛ он преодолел стоя и не шевелясь так как толпа пассажиров сжимала его со всех сторон. А вот дальше начиналась мистика, о чудо, сама вселенная смиловилась над ним. Поезд на БКЛ подошёл почти сразу, словно ждал именно его. А в вагоне, в нарушение здоровой московской логики и всех мыслимых и немыслимых законов физики, были свободные места. Даже ни одно, а несколько! Это была редкая магия, дар небес, знак свыше, что сегодняшний день окончательно сошёл с утраченных когда-то рельсов.

Валерчик ввалился в вагон, едва не зацепив закрывающимися дверьми вагона свой любимый рюкзак, и занял столь желанное свободное место. Его тело, измождённое битвой с текстовыми драконами и офисными орками, с облегчением рухнуло на сиденье, выпуская из своих лёгких воздух, который, казалось, вдохнул ещё в прошлом квартале.

«Четыре станции, – промелькнула в голове спасительная мысль, простая и ясная, как мантра. – Всего четыре станции до дома». Эта мысленная арифметика стала его опорой. Он справится. Он должен справиться. Ещё чуть-чуть, последнее усилие.

Чтобы не отключиться раньше времени и не проехать свою станцию, он совершил привычный ритуал достал из рюкзака планшет, протёр с экрана, смоченным слюной большим пальцем, засохший крем от давнего круассана и открыл злосчастных «Попаданцев». Чтение было его щитом против морфеева войска.

«Великий Жрец Папо'Дар смотрел на просыпающийся город своих предков, – поплыли перед глазами строки нового произведения. – Его перепончатые лапы сжимали древний, испещрённый рунами, кристалл Власти, эти магические надписи могли читать только избранные те, в чьих жилах текла ледяная кровь океанских глубин».

Буквы на экране планшета начали танцевать медленный, гипнотический танец. Глаза слипались и создавалось ощущение, что свет в вагоне начал свою борьбу с тьмой, превратившись в тусклое мерцание, словно от светящихся грибов в пещере людоеда из романа № 8. Гул колёс под полом вагона зазвучал как заунывная песнь шаманов далёкого народа демиургов.

«"Пришло время", – прошипел жрец, в новых строчках на экране планшета. Сознание Валеры интерпретировало, что его голос должен быть похож на звук лопающихся пузырей метана».

Окружающие звуки в голове Валерчика и в правду зазвучали странно, будто доносились со дна океана. А возможно, это просто в ушах звенело от усталости. Он в очередной раз моргнул, пытаясь вернуть фокус, но веки налились свинцом и предательски потяжелели. Они стали тяжёлыми, как каменные двери в сокровищницу дракона.

«Фрооодооо...» – пропел непонятно откуда взявшийся и до боли узнаваемый голос, сладкий, словно его предварительно выдержали в меду и обваляли в сахарной пудре. – «Фрооодооо, отправляйся в Хооогвартс...»

Валерчик одобрительно кивнул в полудрёме. В этом была своя, пусть и бредовая, но логика. Кольцо всевластия надо уничтожить, а в Хогвартсе, уж точно найдётся какое-нибудь подходящее заклинание и не одно, типа «Авада Кольцедавра», что то типа такое, или ещё чего с применением ненормативной лексики.

«А теперь обрети и ощути силу джедая», – продолжил настойчивый голос, и Валерчик с абсолютной, не требующей доказательств уверенностью понял – с ним говорит Старик Хоттабыч, ведь это, несомненно, был его голос. Откуда он это знал? Таких вопросов в полусне не задают. Так же, как не задаются вопросом, почему Хоттабыч упорно называет его Фродо, хотя Валерчик прекрасно отдавал себе отчёт в том, что он в данный момент Карлосон, мужчина в полном расцвете сил, который живёт на крыше. Он даже спиной чувствовал лёгкую вибрацию от пропеллера и смутно осознавал, что прямо сейчас сидит на антенне МИДовской вышки, свесив ноги в темноту.

«И обязательно отключи Матрицу в Нарнии», – убедительно заканчивал наставления Хоттабыч, его голос зазвучал словно изрекал главную истину мироздания.

«Да дело то житейское». – Констатировал Карлосон, он же Фродо, он же Валерчик.

«Задача непростая, – продолжал ставить перед ним задание Хоттабыч. – Нужно найти платяной шкаф, который в данный момент является телефонной будкой, и из неё необходимо срочно позвонить Морфеусу».

«Ну, логично же, – промелькнуло в спящем сознании Валерчика. – Мы все живём в Матрице. Вон даже Илон Маск как-то про это твитил на своём канале. А платяной шкаф – он ведь всегда был порталом, просто раньше мы не догадывались, что его можно использовать ещё как таксофон. Экономия места, всё практично».

«Твоя задача проконтролировать, чтобы все Терминаторы, – голос Хоттабыча набирал мощь и звучность, – отправились рубить Ланнистеров!»

Именно в этот момент во сне Валерчика всё сошлось в идеальную, кристально ясную картину. Это гениальный план. Абсолютный и безупречный в своей абсурдной завершенности. Он видел это перед собой, очень даже отчетливо. Это готовый буктрейлер к фильму, который вот-вот выйдет на все экраны: «Хоббит с пропеллером на спине, в мантии волшебника и зажжённым световым мечом (цвет, правда, постоянно меняется, видимо, сила не может определиться с его моральным компасом) пробирается через заснеженные леса Нарнии к огромному серверному столбу, с которого свисают провода и мигают разноцветные лампочки. Дальше ему необходимо пройти по полю боя, по которому рядом с рыцарями в сверкающих доспехах бегают Т-800 и с металлическим скрежетом рубят лазерными мечами щиты с золотыми львами Ланнистеров. Где-то на заднем плане, на пригорке, гремит эпическая музыка – то ли оркестр гоблинов, то ли группа последних победителей «Евровидения», ему было не видно, не разобрать.

Такого блокбастера мир ещё точно не видел. Он блаженно улыбнулся во сне, а на яву, в вагоне метро, руки размякли, его пальцы разжались. Планшет, оставшийся без поддержки, медленно сполз с его колен и мягко шлёпнулся на соседнее сиденье, продолжая демонстрировать описание пробуждающихся амфибий, которым было невдомёк, что их пробуждение лишь малая часть куда более грандиозного и безумного сюжета.

Глава 2. Сквозь сон и три кольца

«А ведь всё логично, – размышляла спящая сущность усталого бета-редактора, с интересом наблюдая за метаморфозами. – Карлосон это фамилия, и у него есть пропеллер, чтобы летать. Фродо это имя, которое всегда ассоциируется с Кольцом Всевластиа и которое обязательно нужно уничтожить. А диплом Хогвартса и джедайская сила помогут мне не уронить это кольцо, пока я буду лететь на пропеллере. Всё сходится!»

Поезд мчался в подземной темноте, а Валерчик мчался сквозь странный, тягучий сон, сон – где реальность плавно растворяется, как кусок сахара в безнадежно остывшем чае. Его собственная личность расплывалась, теряла границы, превращаясь в нечто новое, в гибридное существо по имени Фродо и фамилии Карлосон, а так же со сверхъестественными способностями мастера Джедай, который получал свои знания в Хогвардсе.

Таким образом, получался один, но очень загруженный персонаж – Фродо Карлосон, джедай-выпускник Хогвартса. И сейчас он стоял на шпиле знаменитой сталинской высотки на Смоленской площади, которую его сознание упрямо называло «антенной МИДовской высотки».

Ветер на этой высоте был живым, почти разумным существом. Он трепал волосы Валерчика – странный гибрид взлохмаченных кудрявых локонов хоббита и аккуратно, уложенных когда-то утром вихров мужчины в полном расцвете сил. За спиной с низким, деловым жужжанием работал пропеллер. Он был собран из полированного титана и светящихся голубых энергетических контуров. Крепился же к спине системой ремней, созданных, как подсказало воображение, из прочной кожи бармаглудита – пятиногого существа с тремя головами из романа №12.

В одной руке он сжимал рукоять светового меча. Лезвие то вспыхивало изумрудной зеленью, то переливалось в тревожный фиолетовый, потому что как он понял уже ранее не могло определиться с моральным компасом своего владельца. В другой руке, защищённой эльфийской перчаткой с замысловатым узором, он сжимал устрашающее все миры Кольцо Всевластиа. Оно было на удивление тёплым и пульсировало с частотой квантового преобразователя «Хавроша» из произведения «ОНИКС Синтез».

«Ну что, полетели?» – спросил он сам себя голосом, который был его собственным, но с новыми, странными интонациями, этакое бывалого космического дальнбойщика, повидавшего все туманности Млечного Пути.

«Погоди, – ответил он сам себе, но уже знакомым скрипучим тембром Старика Хоттабыча, который, казалось, исходил прямо из его собственной головы. – Ты забыл самое главное! Для путешествия в Нарнию через Хогвартс тебе понадобится правильный портал! Ищи зеркало!»

Валерчик-Фродо-Карлосон огляделся по сторонам. Крыша была загромождена вентиляционными трубами, антеннами сотовой связи и прочими технологическими артефактами. И тут его взгляд упал на одну из труб, поблёскивающую в лунном свете. На ней висело небольшое овальное зеркальце в простой деревянной раме. Для чего оно здесь было? И на этот вопрос в его голове тут же нашлось логичное объяснение: «Однозначно в него перед дальним ответственным вылетом смотрят почтовые голуби, которых отправляют в дальний полёт с самой секретной корреспонденцией, чтобы клювы были чистые и опрятные».

Он сначала пошёл пешком по крыше, а потом используя пропеллер подлетел ближе и заглянул в зеркало. Вместо своего мутного отражения он увидел заснеженный лес, густой и таинственный. Между сосен, покрытых шапками пушистого снега, мелькнул рыжий хвост

какого-то существа. Фавн? Подумал Валерчик. Вероятнее всего, что это именно так, возможно он тоже его увидел и испугался.

«Эврика!» – воскликнул он и, недолго думая, направил лезвие или точнее луч, с этим он пока не определился, своего светового меча на зеркало. Трепещущий наконечник меча коснулся зеркальной поверхности, и она затрепетала, как поверхность воды, в которую бросили камень. Пошли круги, стекло стало жидким и прозрачным.

Валерчик не раздумывая сделал шаг вперёд. Сразу же вместо звонких шагов по жестяной глади крыши он под ногой ощутил приятный, знакомый хруст снега. Хруст снега Нарнии. Он обернулся. Зеркало-портал теперь висело в воздухе между двумя соснами, а за его спиной вместо ночной Москвы простирались зубчатые стены Хогвартса, освещённые факелами. На фоне огромной луны, казавшейся неестественно близкой, пролетала метла с девичьей фигурой в развевающемся плаще.

«Давай, давай, не задерживайся! – подгонял его голос Хоттабыча, теперь доносящийся из старого уличного фонаря, стилизованного под волшебный говорящий гриб. – Матрица ждёт! Помни, твоё второе имя Нео, его ты получил при крещении в водах Андуина!»

Валерчик кивнул, чувствуя, как в его голове ровной картинкой складываются пазлы абсолютной бессмыслицы, обретающей свою, сюрреалистическую логику. Он побежал по снегу. Его эльфийский плащ, который ещё пять минут назад был обычным пальто, развевался на ветру, и ему казалось, что он бежит не по снегу, а парит в нескольких сантиметрах над ним. Хотя возможно это так и было, всё же у него есть сила джедая, знания полученные в Хогвартсе и титановый пропеллер за спиной. Впереди, между двух огромных сосен-исполинов виднелось огромное поле, на котором происходило великое сражение. Посреди этого поля мигал серверный столб, нечто среднее между суперкомпьютером из «Матрицы» и ледяной сталагмитовой конструкцией, увешанной гирляндами из нулей и единиц, которые переливались, как новогодняя гирлянда.

Вокруг серверного столба кипела нешуточная битва, сравнимая разве что с самыми эпичными сценами из всех прочитанных им книг, собранными в одном котле. Это было зрелище одновременно захватывающее и абсурдное.

Рыцари в сияющих стальных латах, с геральдическими золотыми львами Ланнистеров на алых щитах, сшибались в яростной схватке с Терминаторами Т-800. Их хромированные скелеты отражали вспышки световых мечей и залпы квантовых арбалетов. Сквозь оглушительный гул боя, лязг металла о металл и рёв моторов (непонятно откуда взявшихся) доносились обрывки фраз, криков и знаменитых цитат:

«– Коня! Пол царства за коня!» – орал один из рыцарей, с трудом отбиваясь от атакующего его киборга.

«– *Nasta la vista, baby!*» – хрипло отвечал Терминатор, отрубая мономолекулярным клинком рыцарю в золотых доспехах правую руку. Но та, к изумлению Валерчика, с легким шипящим звуком тут же отрастала заново, как в компьютерной игре.

«– Ланнистеры всегда платят свои долги!» – кричал другой рыцарь, отстреливаясь из арбалета. Стальные стрелы со звоном отскакивали от хромированного черепа киборга, оставляя лишь царапины.

Валерчик уже был на коне. Вернее, на своём пропеллере и на силе Джедая. Он парил над полем боя, чувствуя себя дирижёром этого абсурдного, но невероятно зрелищного представления. Воздух звенел от световых мечей, свистел от пролетающих стрел и пах разрывами квантовой неопределённости, порохом и... чем-то ещё, загадочным и незнакомым. Возможно, приближением королевы Дэйнерис верхом на трёхголовом Змее Горыныче.

Миссия была ясной и чёткой. Всего-то на всего долететь до столба и отключить его. Как именно? Ну, наверное, воткнуть в него световой меч. Или позвонить Морфеусу. Возможно,

прочитать заклинание. Сейчас главное добраться, а там, скорее всего, в процессе действия появится и подскажет неизвестно откуда зазвучавший голос Хоттабыча.

Карлосон ускорился. Ветер свистел в ушах, заставляя глаза слезиться. Световой меч оставлял за собой цветной шлейф. Он был уже почти у цели, оставалось лишь протянуть руку с мечом к мигающему серверному столбу...

В это время в вагоне метро БКЛ, на сиденье напротив, сидела женщина лет шестидесяти с авоськой, туго набитой картошкой, морковью и парой батонов колбасы. Она с материнским участием, смешанным с лёгким беспокойством, косилась на молодого человека, который странно улыбался во сне, что-то бормотал и даже иногда вздрагивал. «Бедняга, – думала она, перекладывая авоську с колена на колено. – На работе, наверное, загоняли. Спит и улыбается, как дитя малое. Наверное, ребёнку Снегурочка снится».

Она и представить не могла, что в эту самую секунду «дитя» парило в центре эпической битвы, решая судьбы нескольких миров разом. А потом, поезд выходящий на прямую перед платформой очередной станции, резко, ни с того ни с сего, дёрнулся. То ли машинист тормознул, то ли сработала автоматика, но толчок был ощутимым.

Во сне Валерчика земля под ногами сражающихся Терминаторов и Ланнистеров внезапно закачалась, словно при мощном землетрясении. Вселенная дрогнула и поплыла. Серверный столб Матрицы, до которого оставалось буквально протянуть руку, заколебался перед глазами, его чёткие контуры поплыли.

«Кто трясёт Нарнию?» – прошептал он, теряя равновесие в воздухе. Пропеллер на его спине захрипел и чихнул искрами.

Его рука инстинктивно вцепилась во что-то твёрдое и холодное. На самом деле в металлический поручень рядом с сиденьем в вагоне метро. Веки дрогнули, и тяжёлые каменные двери сна пошатнулись.

Он вываливался обратно. Из заснеженных, пахнущих хвоей и сражением лесов Нарнии в душный, натопленный вагон метро, пахнущий людьми, предновогодней суетой и едва уловимым запахом чьих-то давно нестиранных носков. Сила проведения тащила его из эпического блокбастера, где он был главным героем, в суровые московские будни. А здесь он был всего лишь уставшим бета-ридером, проспавшим свою станцию.

На этом могла бы и закончиться эта сюрреалистическая история. Он бы протёр глаза, ругнулся про себя, вышел на следующей станции и поехал обратно. Но...

Женщина с авоськой, наблюдая, как молодой человек чуть не падает с сиденья от толчка, сжалилась над «бедным дитятком». Она встала, подошла к нему и аккуратно, материнской рукой, погладила его по взъерошенным волосам, поправила его поникшую фигуру в кресле, чтобы, не дай бог, не упал и не ударился. Эта материнская забота пожилой женщины дала второй шанс продолжению. Она даже не догадывалась, что этими своими нежными, успокаивающими действиями вернула Валерию равновесие и чувство глубокого, почти детского спокойствия. Молодой человек не открывая глаз, снова погрузился в сон. На этот раз сон уже стал другим, более глубоким, более сладким и гораздо менее предсказуемым.

Пока Валерчик-Фродо-Карлосон парил над полем боя, в мире, который по недоразумению назывался реальной Нарнией, его будущая соседка по вагону, студентка-сценаристка ВГИКа Альбина, переживала свою собственную, не менее изнурительную битву. Её война велась с куда более коварным и беспощадным противником – с собственным вдохновением, уснувшим на посту, как засыпающий вахтёр в третью смену.

Её день, вернее, уже вечер, был похож на дурной сон, который кто-то записал на видеокассету, а потом её несколько раз зажевало и порвало в нескольких местах, после чего её склеили скотчем и прокрутили заново. Утро началось с очень раннего подъёма в половине шестого, под трель будильника, звук которого напоминал агонию электронной канарейки. Быстрый завтрак, душ, и перемещение по метрополитену без касания пола в утренний час пик, когда бурная толпа пассажиров несёт тебя от самого входа и до дверей вагона. Потом четыре часа проведённые в душной библиотеке имени Ленина, где она на пыльных полках искала вдохновение для своего дипломного мюзикла, грандиозного произведения под рабочим названием «Симфония распадающейся биполярности», по идее куратора её проекта этот сценарий должен был перевернуть всё отечественное театральное искусство, а пока что с трудом переворачивал страницы конспектов.

Воздух в читальном зале был пыльным и наэлектризованным, он состоял из вздохов тысяч студентов, пыли с обложек старых книг и призраков несданных в срок дипломных работ. Альбина чувствовала, как её творческий потенциал, медленно, но верно таял под тяжестью этого воздуха. Она выпила три чашки кофе из автомата, по вкусу это пойло можно было сравнить с жидким асфальтом. Эта бурда всё же участила пульс сердцебиения, но не прибавила ни творческого азарта, ни сил к поиску разгадки главной творческой задачи.

Её диплом, её мюзикл, её амбиции – всё это казалось сейчас гигантской, бессмысленной и чрезвычайно тяжёлой ношей. Альбина до последнего надеялась сделать диплом по «Мастеру и Маргарите» – её вечной, болезненной любви, по тексту, который она понимала каждой клеткой своей души. Но куратор, молодой и амбициозный недавний выпускник Щукинского училища, посмотрел на её заявку с таким сочувственным скепсисом, будто она принесла на консультацию берестяную грамоту на которой давно истлели все надписи.

– Милая, Булгаков это музейный экспонат, – сказал он. – А нам нужен актуальный контент, а не старая классика с пыльных полок библиотеки. Нужно говорить на языке поколения Z. Где клиповое сознание? Где киборги? Где не раскрытая гендерная тема? Соедините несоединимое! Взорвите систему!

И она попыталась «взрывать и разрывать». Её «Симфония распадающейся биполярности» должна была стать этим взрывом. На бумаге всё звучало дерзко: кибернетик влюбляется в призрака балерины, чьё сознание загружено на сервер Мосэнерго. Но на репетициях этот высокоуровневый бред рассыпался на глазах. Актёры, изображавшие частицы адронного коллайдера, не могли запомнить, в какую сторону им «сталкиваться». Коронный номер, в котором призрак балерины должен был танцевать под биты, сгенерированные на основе ритмов работы сервера, выглядел как припадок уставшего робота-пылесоса. Самый пронзительный, как ей казалось, монолог призрака – «О дигитальности вечности и аналоговой боли утраты» – один из студентов-актёров в порыве спутал с описанием неисправности своего нового смартфона.

Вот он, её творческий кризис. Не возвышенные муки гения, а унижительная необходимость впихнуть невпихуемое: вставить цитату из Пилата в уста киборгу и заставить его спеть об этом в стиле электропоп. Она чувствовала себя не творцом, а плохим сборщиком компьютеров, который пытается молотком соединить детали от разных наборов, зная, что в итоге получится уродливая, не рабочая хрень.

Днём её ждали шесть часов репетиций в душном зальчике бывшего спортзала на втором этаже студенческого общежития. Её актёры, такие же вымотанные студенты-энтузиасты, с трудом могли координировать движения, не то что передавать тончайшие нюансы экзистенциальной тоски своих персонажей. Они разучивали хореографический номер, в котором эмоционально должны были изображать частицы большого адронного коллайдера. По задумке Альбины они обязаны были сталкиваться в предвкушении конца света. После пятого дубля

Альбина смотрела на них и видела не частицы, а кучу сонных тараканов, которых трясёт в картонной коробке.

Её собственное тело к вечеру объявило забастовку. Мозг превратился в пережёванную губку, из которой при нажатии сочилась мутная жидкость усталости. Мысли путались, сюжетные линии её мюзикла, история любви кибернетика и призрака балерины сплелись в один гигантский, не распутываемый клубок. Диалоги, которые утром казались гениальными, теперь выглядели убого и плоско, как подошва стоптанного ботинка. Она пыталась придумать кульминационную сцену – монолог призрака перед его окончательным распадом в цифровом пространстве, но в голове вертелась только одна фраза: «Я устал, я мухожук», и эта фраза относилась не к призраку, а исключительно к ней самой.

Глаза слипались и слезились, будто в них насыпали мелкого раскалённого песка. Веки опухли, было ощущение, что на них подвесили трёхпудовые гири, и чтобы их держать открытыми, требовалось усилие, сравнимое с поднятием штанги. В ушах стоял не проходящий звон от громких нот мысленного хаоса. Альбина чувствовала себя живым воплощением творческого кризиса, ходячей катастрофой в купленном на последние деньги в секонд-хенде потрёпанном кожаном плаще, в надежде, что он придаст ей божественности.

Последней каплей стала смерть беспроводных наушников. Аккумулятор, верный спутник её одиноких ночных бдений, издал предсмертный писк и отключился, оставив её в оглушительной тишине собственного истощения. Именно в этот момент она и решила, что на сегодня достаточно, и побрела к метро. Ей нужно было домой, в койку на съёмной квартире, где её ждал стакан холодного чая, смятая простыня и надежда, что утром всё будет выглядеть иначе.

Путь до станции «Университет» она проделала в состоянии зомби. Ноги двигались на автопилоте, обходя лужи и встречных прохожих, а сознание витало где-то в районе облаков, с нотками лёгкой брезгливости наблюдая за собственным телом со стороны. Она была пустой, выпотрошенной.

Планшет Валерчика, лежавший на сиденье рядом, был открыт на главе «Первого Зова Попаданцев», где Великий Жрец Папо'Дар как раз начинал свой великий ритуал по соединению сознаний всех живых существ планеты в единый разум. Bluetooth на планшете, который Валерчик всегда забывал выключать, был включён и находился в активном режиме поиска устройств для коннекта. Планшет отчаянно пытался подключиться хоть к чему-то поблизости. К чему-то, что могло бы стать для него парой. И нашёл.

Потому что именно в этот момент в вагон на очередной остановке вошла юная девушка. Альбина после пересадки с трудом втащила себя в вагон БКЛ, смахнула с сиденья ладонью несуществующую пылинку (последний рефлекс опрятности, уцелевший в руинах её психики) и с глухим стуком плюхнулась на свободное место, едва не раздавив планшет Валерия. Ей было всё равно. Весь мир с его сценариями, плохими танцорами и даже с этим спящим парнем, у которого на лице сияла странная улыбка, мог сейчас рухнуть в тартарары, а она бы вздохнула с облегчением, потому что наконец-то смогла бы отдохнуть.

В кармане её потрёпанного кожаного плаща лежал смартфон через который она слушала музыкальные композиции предназначенные для вставки в сцены своего планируемого дипломного спектакля-мюзикла. Аккумуляторы в наушниках как мы уже знаем окончательно разрядились и отключились, а Bluetooth на её телефоне, как и на планшете Валерчика, был включён и тоже искал с кем бы сконнектиться.

Два устройства, два мира, два истощённых сознания. Её смартфон, тщетно пытавшийся воспроизводить музыку для грандиозной сцены, и его планшет, транслирующий пробуждение

древнего жреца. Оба с включёнными устройствами Bluetooth соединения. Оба искавшие пару в этом шумном, одиноком, безумном мире.

Связь установлена.

Протокол: Bluetooth 5.1.

Стабильность соединения: высокая.

Так начинается новая, общая глава.

Глава

Глава 3. Слияние снов.

Студентка-сценаристка Альбина была на грани. Её собственный диплом – мюзикл «Симфония распадающейся биполярности», в её же воспалённом сознании рассыпался на глазах, как песочный замок. Он казался ей уродливым гибридом, порождением не её вдохновения, а требований кафедры создать нечто «актуальное». Она изнывала от невозможности родить современный бред, в то время как её душа, воспитанная на классике, рвалась к вечным сюжетам – к страсти, предательству, искуплению.

Её веки, отяжелевшие от бессонных ночей и пыли библиотечных фолиантов, сомкнулись. Последнее, что она ощутила был тактильный обман, будто её щека коснулась не шершавой ткани пальто, на плече Валерия, а прохладной, отполированной до зеркального блеска ручки двери в подсознание. Дверь бесшумно отворилась, и её засосало внутрь.

Сначала был лишь стремительный, немой полёт вниз по спирали, где вместо света мерцали обрывки её же неснятых сцен, титры с названиями глав и призрачные лица актёров, которые так и не смогли понять её замысла. Потом падение замедлилось, и её ноги мягко ступили на твёрдую поверхность. Воздух стухнул, наполнившись знакомым, до слёз дорогим запахом – пылью старых книг, воском свечей и предгрозового апельсинового московской ночи. Это был запах её личного мифа, запах «Мастера и Маргариты».

Она стояла на заснеженной крыше незнакомого дома, но в каждом силуэте трубы, в каждом изгибе карниза угадывались очертания её отчаянных монологов и выстраданных диалогов. А внизу, вместо ночного города, простиралась бесконечная, пульсирующая рукопись её диплома. Улицы были строчками, площади – разворотами, а вместо фонарей горели восклицательные знаки, вырванные из рецензий куратора. Её диплом, эта вымученная «Симфония распадающейся биполярности», наконец обрёл свою истинную, архетипическую форму. Теперь она была не амбициозной студенткой, а Маргаритой. Её диплом получил фундамент, основываясь на бесценной рукописи Мастера, которую нужно было спасти от ничтожных критиков. Её полёт будет побегом от выхоленной «современности» в мир высокой, пусть и безумной, трагедии.

Теперь она летела на метле, это была не какая-то захудалая садовая метёлка, а дизайнерский веник из арт-бюро «Воланд & Компани», с современной, просчитанной на квантовом компьютере моделью обтекаемой эргономичной ручкой, из тёмного дерева и с щетиной, свитой из космической пыли и конских грив.

Именно в этот момент её смартфон в кармане плаща отчаянно завибрировал. На экране мелькнуло уведомление: «Подключено к устройству «Planet_Valeriy». Протокол: Bluetooth 5.1. Стабильность соединения: высокая».

Альбина, разумеется, не обратила на это внимания. Во сне уведомления отключаются. Но что-то изменилось.

Сначала это было едва заметно – будто кто-то добавил в идеальную акварель её сна несколько капель кислотно-яркой типографской краски. Небеса Булгаковской-Москвы, где плыли её светящиеся буквы «ДИПЛОМ... СДАТЬ...», вдруг пронзили огненные шлейфы от пролетающих где-то выше истребителей «Звезды Смерти». Она с раздражением заметила, что на месте заснеженных крыш возникли какие-то фантазмагорические замки с острыми шпи-

лями. Воздух, пахнувший зимней свежестью и волшебством, внезапно пропах гарью, словно где-то рядом взорвался световой меч.

Её сознание, уже привыкшее к сюрреализму полёта, на мгновение запротестовало. «Это не моё», – просигналила какая-то уставшая часть её мозга. Но сон уже впитывал чужие образы, как губка. Стены переулков, по которым она летела, начали покрываться виртуальными пикселями, а в тенях между домами зашевелились ороczy морды с айфонами в мохнатых лапах.

В это же самое время Валерчик-Фродо-Карлсон, он же Джедай-Нео, уже почти долетевший до трепещущего серверного столба Матрицы, вдруг почувствовал порыв ветра и необъяснимое нарушение, так тщательно выстраиваемой, безумной логики его сна.

Его мир, состоящий из лязга металла, рёва моторов и взрывов, внезапно наполнился новыми, странными ощущениями чего-то более древнего и приятного. Гулкие завывания ветра в ушах стали тише, и сквозь них пробился странный звук – будто кто-то перелистывает хрустящие страницы старой книги. Воздух, пропитанный запахом пороха и раскалённого титана, внезапно пропах – горьковатой пылью старых библиотек, чернил и подлинного, несыгранного отчаяния, мандаринами и свежестью морозной ночи. Эта «аура» была чужеродной, но на удивление приятной, как глоток чистой воды после недели пищевого суррогата. Даже свет его меча, яростно мечущийся между зелёным и фиолетовым, на время стабилизировался на розовом цвете.

В этот момент, в вагоне метро, два спящих человека – Валерчик и Альбина – сидели рядом, их головы почти соприкасались. Их мозги, два перегруженных, истощённых процессора, нашли друг друга как и их гаджеты, через случайный вселенский-хэндшейк и теперь синхронизировались, сбрасывая накопившийся мусор в общее пространство сновидения. Нейроны замыкали цепи, образы перетекали из одного сознания в другое, создавая уникальный, гибридный кошмар.

На их лицах застыли одинаковые выражения напряжённого блаженства и муки творчества. Их сны слились в единый, невообразимый сюжет, рождая уникальный гибрид, который мир позже назовёт гениальным безумием. А может, просто очередным странным сном двух очень уставших людей, которым ещё предстояло выяснять свои творческие разногласия – как во сне, так и наяву.

Валерчик моргнул, пытаясь вернуть резкость. Но реальность плыла. На месте одной из несущихся в атаку рот Ланнистеров возник призрачный образ большого пуделя, важно шествующего мимо, а из-за серверного столба Матрицы на мгновение выглянул знакомый силуэт дома № 302-бис по Большой Садовой.

– Что за... – начал он, но не успел договорить.

Мимо него вихрем, сметая на своём пути дерущуюся пару – Терминатора и рыцаря Ланнистера, – пронеслась девушка на метле. За ней тянулся шлейф из каких-то древних манускриптов и сияющая надпись: «Глава 3. Полёт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.